

УДК 130.20
ББК 87.2

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК ФОРМА СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ

С.В. Архипов

Проанализирована связь между диалогическим принципом и сетевой парадигмой Г. Бейтсона. Указаны фундаментальные различия между диалогической и монологической установками в свете системного подхода. Проведена параллель между эгоцентрической установкой и асистемными действиями. Сделан вывод о том, что диалогическое отношение позволяет входить в резонанс с системой.

Ключевые слова: диалогический принцип, сеть отношений, сетевая парадигма, системные эффекты, обратная связь, асистемные действия, системный характер событий.

Диалогическая философия известна своей религиозной составляющей, антропологической акцентуацией и вниманием к проблеме отношений. Взаимоотношения с другими людьми, окружающим миром, Богом – это, так или иначе, основа данной философии, то есть, иначе говоря, речь о диалогическом принципе. Казалось бы, какое отношение может иметь подобная проблематика, выражающаяся подчас в таких далеких от системного подхода терминах, как надежда, «вечное Ты», любовь, вера и т. п., к системному подходу, выраженному, в частности, Г. Бейтсоном?

В сетевой парадигме Г. Бейтсона, как и во всех разновидностях системного подхода, акцентируется внимание не на вещах, а на отношениях между ними, и даже сами вещи рассматриваются как некоторые комбинации отношений. Это позволяет, как нам представляется, взглянуть по-новому на наследие диалогической школы философии, представленной М. Бубером, Ф. Розенцвейгом, Г. Марселем и другими. В самом деле, общие элементы ясно различимы при первом же сопоставлении. Речь идет о постулировании первичности отношений и о попытке изменить само мышление человека.

Диалогизм, повторим, имеет религиозную основу, и попытка рассматривать постулаты философов-диалогистов вне этой основы приводит к крушению таковых. Действительно, в этом случае обосновать отношения «я-ты» без ссылки на «вечное Ты» оказывается невозможным или, во всяком случае, такие отношения остаются уязвимыми со многих позиций. Можно сказать, что сетевая парадигма Г. Бейтсона, как она представлена в его основных работах, предлагает основу для диалогической философии, выводя ее за пределы чисто религиозного контекста. Иначе говоря, возникает возможность новой интерпретации упомянутого «вечного Ты».

Общество, культура в целом, межчеловеческие отношения – все это можно представить в виде сложнейшей системы, пронизанной обратными связями. Именно это и делает Г. Бейтсон. Однако в работах диалогистов системный подход, как правило, отсутствует, хотя начатки его можно различить, особенно в наследии О. Розенштока-Хюсси. Его фундаментальный диалогизм, если можно так выразиться, сам по себе предполагает системный взгляд на человека и его культуру. Это выражается в формуле мыслителя, названной им «крестом действительности», из которой, по его мысли, проистекает вся жизнедеятельность человека [5, с. 70].

Этот «крест», разрушающий привычные представления о субъекте и объекте, подра-

зумевают такие пространственно-временные характеристики, как внутрь/вовне и назад/вперед. При этом речь, язык оказываются ядром такого понимания действительности. Отношения – суть этого ядра. Можно сказать, что данный «крест» есть ничто иное, как, условно говоря, смысловой узел культуры, понимаемой как система. Нарушения указанного ядра приводят к тем или иным кризисам, которые О. Розеншток-Хюсси именует анархией (отсутствие единодушия), упадком (отсутствие веры), революцией (отсутствие уважения) и войной (отсутствие силы) [5, с. 22]. Переводя это на язык системного подхода, скажем, что данные кризисы есть системные эффекты. В частности, упадок и революция характеризуют системные эффекты во времени, а анархия и война – в пространстве.

Диалогисты обычно подчеркивают, что человек живет в двойственном мире. С одной стороны, его существование погружено в область отношений «я-оно», в терминологии М. Бубера, а с другой – в область прерывистых отношений «я-ты» [2, с. 24]. Открытость (или диспонибельность, выражаясь языком Г. Марселя) к другим живым существам и даже к неодушевленным объектам, а также к Богу означает, можно сказать, сбалансированность человеческого существования, его включенность в бытие. Бытие же можно представить как наиболее общую систему. Следовательно, открытость человека и основанные на ней действия, мысли и т. п. являются действиями и мыслями, соответствующими той системе, в которую он включен. В то время как позиция закрытости, эгоцентризм и основанные на нем действия и мысли оказываются тем, что противоречит системе, и, по мысли Бейтсона, всегда наказуемо, поскольку система стремится к балансу и ее определенные персонифицированные агенты (а таковыми, по мысли Бейтсона, может быть то, что в религиозной традиции называется богами и ангелами) работают над корректировкой состояний системы.

Диалог, диалогическое отношение есть фундаментальное онтологическое отношение, обусловленное самой системой. На этом отношении основана культура, язык, обучение и т. п. Но что может лежать в основе диалога в контексте системного подхода? По нашему

убеждению, это принцип обратной связи. Разумеется, диалог – это не синоним обратной связи, так как диалогическое отношение предполагает равенство сторон, но именно указанный принцип является фундаментом этих отношений. Обращаясь непосредственно к Бейтсону, мы можем сказать, что диалогическое отношение означает определенные изменения (и готовность к таковым) с обеих сторон. «Любая адаптивная переменная у любого из участников, не скорректированная переменной у другого, всегда будет вносить напряженность в их отношения» [1], – пишет Бейтсон.

Система как сеть отношений пронизана, по мысли Бейтсона, петлями обратных связей. Если связи нарушаются, возникает дисбаланс системы, на что последняя всегда реагирует соответствующим образом. Здесь нельзя не упомянуть о мысли Р. Жирара, согласно которой человек является в сущности единственной причиной зла в мире. Речь идет о разрешении миметического кризиса, когда посредством жертвоприношения человеческое сообщество переносит свою коллективную вину на «козла отпущения», то есть жертву. По Бейтсону, человек, как правило, не видит целого, оперируя частями, и, следовательно, он не может увидеть системный характер происходящего. Отсюда возникают некие отчужденные от самого человека силы, злые в том числе. Когда человек производит асистемные действия, а таковыми очень часто являются его сознательные целеполагающие действия (действия, исходящие из центрации на собственном «я»), которые, однако, не учитывая системный характер, вызывают дисбаланс системы, эти асистемные действия и их последствия воспринимаются как влияния чего-то потустороннего.

Противопоставляя, отчуждая что-либо, человек объективирует это. Природа становится тогда объектом его подчас варварского воздействия, сам Бог оказывается неким «Он», следовательно «Оно», по Буберу. Диалогическое мышление, принцип диалога подразумевает глобальную и глубинную связь человека с миром, другими людьми и Богом. Можно сказать, что диалогическое мышление – это уже системное по своей сути мышление. Напротив, субъект-объектная парадигма в ее традиционном виде является след-

ствием отказа мыслить системно, мыслить диалогически в том числе.

Бог же, как цель трансценденции, как высшее условие подлинного диалога, согласно философам-диалогистам, по Бейтсону, оказывается ни чем иным, как внутренним и внешним системным характером всего. Это можно также назвать неким высшим надындивидуальным Разумом, лишь частичками которого являются наши индивидуальные сознания. Этот разум можно метафорически обозначить как разум самой системы, в которой любое действие влечет за собой определенный результат, реакцию. Противопоставление этого Разума или Бога человеку (Бог как «он») разрывает их сущностную связь (Бог как «ты»). По Бейтсону, не только Бог воздействует на человека, но и человек на Бога, то есть речь идет о взаимодействии. Следовательно, вера, согласно этой логике, отнюдь не является неким самовнушением. На призыв возможен ответ, говоря языком Г. Марселя. Положительный ответ (диалог) означает гармонизирующее с системой действие.

Остановимся здесь на феномене надежды, которая была предметом экзистенциально-диалогической философии Г. Марселя. Надежда у него зачастую смыкается с тем, что принято называть верой. Надежда вне расчета – это как бы интуитивное знание-вера, уверенность в том-то и том-то. Разумеется, что предметом надежды не являются какие бы то ни было сугубо материальные объекты. Если рассмотреть феномен надежды Марселя сквозь призму сетевой парадигмы Бейтсона, то мы приходим к выводу, что надежда отнюдь не является неким самовнушением. Это реальная установка («призыв»), которая вполне способна войти в резонанс с системой.

Можно сказать, что диспонибельный (открытый) человек обладает способностью, если можно так выразиться, интуитивно чувствовать систему, системный характер событий. Это трудно рационализировать. Бейтсон и сам стоит на позиции [7], согласно которой контакты с персонифицированными агентами происходят, как правило, в области бессознательного, которое, как известно, проявляется лишь отчасти. Пожалуй, и рационализация того, как происходит интимное восприятие Бога, Абсолюта, в качестве «вечного Ты»

(термин Бубера) основывается на таком же понимании.

Следовательно, самозамкнутость эгоцентрической установки (монолог) означает как бы выпадение из системных связей. Отсутствие гармонии с системой, волюнтаристическое целеполагание приводит к ее разбалансировке, противодействующей гомеостазу. Это означает, что система всякий раз пытается восстановить баланс, хотя отнюдь не всегда любое асистемное действие человека может быть впоследствии скорректировано. Не будем забывать о том, что диалог – это контакт равных сторон. Следовательно, не все может быть восполнено без определенных потерь. Человек, вообще говоря, в состоянии уничтожить свой мир. Думается, что в этом кроется старая теологическая проблема свободы воли.

В этом смысле эгоцентризм или монолизм (ведущий к отчуждению) предстает в качестве патологии системы, или, во всяком случае, приводит к ее патологии. С другой стороны, возникает противоречивая ситуация: подлинный диалог, гармонирующий с системой, если окинуть взглядом историю и культуру, оказывается довольно редким явлением. В самом деле, отношения «я-оно» представляются более фундаментальными, но именно в ракурсе этих отношений фактически и возникают асистемные события. Так, Бубер признавал, что отношения «я-ты» всегда прерывисты, они не могут быть постоянными, мы так или иначе всякий раз возвращаемся в «я-оно», в субъект-объектную разделенность. Марсель также отмечал, что «свет присутствия» скорее мерцает.

На этом фоне возникает определенное сомнение, а именно: всегда ли мы правильно понимаем системный характер бытия? Можем ли мы утверждать, что те или иные «эксцессы насилия» [7] возникают как результат нарушения баланса системы? Или же они являются ее составной частью в качестве неких системных эффектов, но не патологических, а вполне законосообразных с самой системой? Иначе говоря, не приведет ли устойчивое во времени отношение «я-ты» к еще большим патологиям, еще большим эксцессам?

Если выразить эту проблему иначе, то можно было бы предположить, что, например,

абсурдность бытия, которую постулировал А. Камю, вовсе не является ненормальным состоянием системы. Из этого следовало бы, что разнообразные кризисы, которые мы наблюдаем сегодня, являются, возможно, отнюдь не системной реакцией на асистемные действия человека, а чем-то иным. Но такое предположение означало бы отказ от концепции Абсолюта, а в религиозно-философском контексте – признание того, что «смерть Бога» состоялась.

Описанный подход свидетельствует, что рассмотрение диалогического мышления в качестве варианта системного подхода обладает эвристическим потенциалом. Между тем один из основных недостатков диалогизма заключается как раз в недостаточном анализе системных эффектов. Диалогическое мышление порой как бы замыкается на диалоге, не проясняя его сущностного значения, не включая его в систему как целое. Или же это делается поверхностно. Системный подход, сетевая парадигма Г. Бейтсона позволяют, на наш взгляд, качественно заполнить этот пробел. Здесь открывается возможность дальнейшего, более глубокого анализа культуры, ее эмерджентных свойств. При этом отноше-

ния «я-ты» и «я-оно» возможно рассматривать как определенные подсистемы, являющиеся частью некоей более обширной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии : пер. с англ. / Г. Бейтсон. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
2. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : АСТ, 1999. – 592 с.
3. Визгин, В. П. Философия Габриэля Марселя: темы и вариации / В. П. Визгин. – СПб. : Мирь, 2008. – 711 с.
4. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 399 с.
5. Марсель, Г. Присутствие и бессмертие : избр. работы / Г. Марсель. – М. : Ин-т философии РАН, Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 328 с.
6. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – М. : Лабиринт, 2008. – 270 с.
7. Пигалев, А. И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона / А. И. Пигалев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://tululu.ru/read51867/> (25 янв. 2012 г.). – Загл. с экрана.

THE DIALOGICAL PRINCIPLE AS A FORM OF SYSTEMS THINKING

S. V. Arkhipov

The connection between the dialogical principle and the net paradigm of G. Bateson has been analyzed. The proposal of the dialogue as a form of a system paradigm has been represented. The fundamental differences between a dialogue and a monologue have been shown in the light of system approach. The parallel between an egocentric set and asystemic actions has been drawn. The conclusion that the dialogical relation makes resonance with system has been proposed.

Key words: dialogical principle, net of relations, net paradigm, system effects, reverse connection, asystemic action, systemic character of events.